

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'04:37

СИНОНИМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

М. Ю. Колокольникова

Саратовский государственный университет
E-mail: marinaugustina@yandex.ru

Статья посвящена историческому аспекту взаимодействия лексической семантики и общественно значимого дискурса. В центре внимания находится роль дискурсивно обусловленных синонимических рядов в эволюции значений лексических единиц. Материалом исследования служат английские, французские и испанские письменные памятники средневекового периода.

Ключевые слова: историческое развитие, лексическая семантика, дискурс, синонимические связи.

Synonymic Context as a Factor in the Historical Development of Lexical Semantics

M. Yu. Kolokolnikova

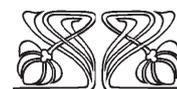
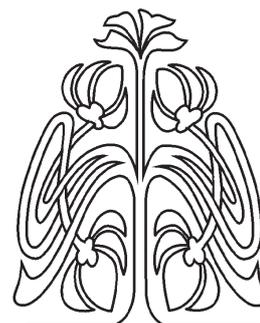
This article considers the historical aspect of the interaction between lexical semantics and discourse. A special emphasis is put on the role of discourse determined synonymic rows in the evolution of the meaning of lexical units. The material of the research is represented by English, French and Spanish medieval written records.

Key words: historical development, lexical semantics, discourse, synonymic relations.

На современном этапе развития общей теории языковых изменений стало уже общепризнанным, что основной движущей силой языковой эволюции является говорящий и окружающий его мир, а конкретная реализация принципов этой эволюции строится на законах человеческой коммуникации, дискурса в широком смысле слова. Данный подход нашел применение и в области исторической лексикологии, одной из актуальных задач которой является изучение конкретных механизмов взаимодействия лексической семантики и общественно значимого дискурса на разных этапах их развития.

Опыт исследований показывает, что к числу подобных механизмов принадлежат, в частности, те синонимические связи, которые складываются у лексем в процессе регулярного функционирования в рамках дискурсивного пространства и которые оказывают существенное влияние на модификацию их семантики. Сказанное в полной мере относится и к так называемым параллельным синонимам, которые в средневековую эпоху получили широкое распространение в западноевропейских литературно-письменных языках (английском, французском, испанском и др.). Высокая частотность и разнообразие указанных конструкций были вызваны притоком книжных латинских слов, в первую очередь тех, которые служили наименованиями сложных религиозно-философских понятий, не известных еще в то время народным языкам.

В этих условиях средневековые авторы, стремясь донести до своих читателей и слушателей значение иноязычного слова, наряду с ним обычно употребляли лексемы, которые являлись его семантическими и функциональными эквивалентами и часто выполняли роль внутренних глосс. В качестве эксплицирующих элементов выступали либо исконные лексемы, либо те лексические единицы, которые являлись

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

заимствованными, но существовали в языке уже в течение довольно долгого времени и в той или иной степени были ассимилированы им.

Так, например, религиозные дискурсы народных языков заимствовали не только новое для них понятие *христианская любовь, милосердие*, но и его латинское обозначение: *caritas* (фр. *charité*; англ. *charity*; исп. *caridad*). В средневековых письменных памятниках в качестве пояснительных (метатекстовых) элементов при рассматриваемых заимствованных лексемах использовались существительные, традиционно передававшие в народных языках понятие *любовь* (фр. *amour*; англ. *love*; исп. *amor*). Отношения функциональной и семантической эквивалентности между двумя лексическими единицами устанавливались, как правило, при помощи логических союзов со значением *или, иначе, другими словами* (англ. *or*; фр. *ou*; исп. *ó*). Средством связи между параллельными синонимами мог выступать и сочинительный союз *и* (англ. *and*; фр. *et*; исп. *y, e*):

mais seulement est meu parvraye amour et harité (Fillastre G. Le Traittié de Conseil. FMF).

Loue or charite...haþ two braunchis, as loue of God & loue of man (Wicliff J., Faith, Hope and Charity. CME).

asi commo en los otros buenos actos que proceden de caridad & amor de dios (Apologia sobre el salmo «Judica me Deus». CdE)¹:

С точки зрения исторической лексикологии и семасиологии особого внимания заслуживает тот факт, что исконные лексемы не только уточняли значение заимствованных единиц, но в свою очередь сами испытывали влияние со стороны последних. В результате «семантического заражения» семантическая структура исконных лексем обогащалась за счет дополнительных смысловых компонентов, которые могли актуализироваться как в самом религиозном дискурсе, так и за его пределами в виде иносказательных включений. Это находило отражение в сочетаниях типа *divine amour, fine amour, amor de Dios, amour parfaite, perfecte loue* (божественная любовь, любовь Бога, совершенная любовь и т. д.):

Joye parfaite n'est point sans parfaicte amour et parfaite amour n'est point sans compaignie si fault que en la Divinité soit compaignie (Gerson J. Sermon por la fête de la Sainte Trinité. FMF).

В качестве еще одного примера можно привести текстовые фрагменты, в которых заимствованное из латыни наименование греха *леность* (лат. *acedia, или accidia*) вступает в отношения семантической и функциональной эквивалентности с народными лексемами со значением *лень, медлительность* (англ. *slewthe*; фр. *presche*; исп. *pereza*):

et ceste dormitation seult estre ditte accide ou presche (Psautier Ludolphe le Chartreux. FMF).

В составе подобных контекстов исконные лексемы приобретали несвойственную им в языке в целом способность передавать такие понятия,

как *уныние, отчаяние, печаль, душевная апатия*, которые в религиозно-церковной сфере ассоциируются с недостаточной верой в милосердие Бога, с медлительностью и нерадивостью в делах благочестия. Св. Фома Аквинский (XIII в.), объединявший грех *леность* с грехом *уныние* (лат. *tristitia*), рассматривал его как отказ от радости общения с Богом, от духовного блага вообще. Следуя этой традиции, Фернандо де Паленсия (XV в.) в своем латинско-кастильском словаре разъясняет значение слова *accidia* с помощью исконных лексем *pereza* (лень) и *tristeza* (уныние, грусть), каждая из которых передает лишь часть смысловых компонентов латинского существительного:

Accidia es pereza & tristeza (Palencia A. Universal Vocabulario in latin y en romance. CdE).

По мнению некоторых исследователей, в подобных случаях мы имеем дело с гендиадисом, т. е. с конструкцией, которая включает в себя два однородных члена и выражает одно сложное понятие². Это предоставляет возможность семантического разложения основного элемента высказывания. В результате его семантические составляющие получают отдельное выражение. Потребность в таких конструкциях объяснялась тем, что народные языки были в меньшей степени приспособлены к передаче отвлеченных понятий, чем латынь.

В английском религиозном дискурсе, который нам известен по более ранним источникам, чем французский или испанский религиозные дискурсы, для обозначения понятия *зависть* первоначально использовались древнеанглийские существительные *anda* (варианты: *onde, honde*) и *nieþ*, которые в зависимости от конкретной ситуации могли обозначать целый комплекс негативных чувств и эмоционально-волевых состояний: *ненависть, враждебность, злость, раздражение, досада, страх, ужас*³.

Наряду с текстовыми фрагментами, в которых выбор падал на одну из указанных выше лексем, в письменных памятниках встречаются также контексты, содержавшие одновременно обе лексемы, вступавшие друг с другом в отношения семантической и функциональной эквивалентности:

Purh nið and onde [L inuidiam] com deð in to þe worlde (Homilies in Lambeth. CME).

В подобного рода конструкциях нередко видят проявление характерной для древнеанглийского языка (особенно поэтического) традиции использовать так называемые парные слова (*pair words*). Этот факт, несомненно, стоит принимать во внимание. Вместе с тем представляется, что здесь находят отражение и новые тенденции, свойственные в позднесредневековую эпоху всем народным языкам, которые постепенно расширяли свои функции и приспособлялись к передаче сложных отвлеченных понятий, которые на предшествующем этапе развития передавались преимущественно с помощью средств латинского языка.

В средневековую эпоху полиномия, или лексическая вариативность, была нормой языка, поскольку в то время в народных литературно-письменных языках, в их различных культурно-речевых сферах активно шел процесс, связанный с поиском и отбором лексических единиц, способных наиболее адекватным образом обозначать специальные понятия. При этом дать ответ на вопрос, почему выбор пал именно на ту или иную лексему, довольно трудно, а в подавляющем большинстве случаев, по-видимому, просто невозможно. Остается только предположить, что здесь оказывал свое действие целый комплекс разнообразных причин.

Что касается лексем *onde* и *nieþ*, о которых говорилось выше, то в новоанглийский период они были вытеснены из языка заимствованным существительным *envy* (фр. *envie*, лат. *invidia*). Причем первоначально эта лексема часто использовалась вместе с исконными лексемами *onde* и *nieþ*, пояснявшими ее значение. Так, во фрагменте из письменного памятника начала XIII в. «Тело и душа» для обозначения греха *зависть* используются все три рассматриваемые лексические единицы (т. е. *onde*, *nieþ*, *envie*), тогда как другие смертные грехи (*чревоугодие*, *похоть*, *гордость* и *алчность*) представлены только одним наименованием:

*Glotonie and lecherie, Prude and coveytise,
Nije and onde and envie* (Body and Soul. СМЕ).

Постоянное обращение к уточняющим, дефинитивным конструкциям было, по-видимому, обусловлено также некоторыми особенностями средневекового сознания, которое, в отличие от более древнего типа мышления, воспринимало вещь уже как самостоятельно существующую, но слово и понятие еще не расчленились. Поэтому назвать вещь означало то же, что и объяснить ее. Отсюда и убежденность в том, что понимание есть знание и овладение вещами, реальностями.

Жак Ле Гофф, отмечая эту черту средневекового мышления, пишет следующее: «В медицине поставленный диагноз означал уже исцеление, оно должно было наступить вследствие произнесения названия болезни... *Res* и *verba* не противоречили друг другу, одни являлись символами других. Если язык был для средневековых интеллектуалов покровом реальности, то он также являлся ключом к этой реальности, соответствующим ей инструментом»⁴.

Неслучайно поэтому в средневековых произведениях объектом авторской рефлексии нередко становились и исконные лексемы, если они обозначали ключевые для определенной группы контекстов понятия. В нижеприведенном фрагменте ключевым является исконное английское существительное *slewthe* (леность, медлительность, совр. англ. *sloth*), значение которого поясняется не только с помощью близкого ему по происхождению и семантике существительного *slawenes*, но и посредством уточнительного оборота, вводимого в предложение логическим союзом

þat is (то есть). В состав данного оборота в свою очередь тоже входят поясняющие значения друга синонимические пары: *hertly angere* (раздражение сердца) – *anoye* (раздражение); *dullnes* (уныние, вялость) – *heuenes of herte* (уныние, душевная тяжесть, апатия):

Be sexte dedly synes slewthe or slawenes, þat es, a hertly angere or anoye till vs of any gastely gud þat we sall do... Anoper es, a 'dullnes or heuenes of herte' þat lettes vs for to lufe oure Lorde God Almyghten, or any lykynge to hafe in His seruyse (Gaytryge D. J. Sermon. СМЕ).

Анализ средневековых письменных памятников показывает, что существенную роль в модификации значений лексем играли не только те синонимические конструкции, которые входили в состав метатекстовых фрагментов, но и вся система синонимических связей, формировавшаяся у слова в процессе его функционирования в определенной коммуникативно-дискурсивной сфере. Подтверждением этому может служить история развития среднеанглийского прилагательного *wicked* (варианты: *wikked*, *wikkid*, *wykked*, *wyket*), которое, подобно большинству древних абстрактных лексем, отличалось диффузностью семантики. Среди его значений были, в частности, следующие: *плохой*, *злой*, *злосчастный* (например, *о времени*), *неудачный*, *неблагоприятный*, *несчастный*, *не предвещающий хорошего*, *тяжелый* (о состоянии здоровья) и т. д.

Дальнейшая эволюция прилагательного *wicked* была связана прежде всего с особенностями его употребления в религиозном дискурсе, где приблизительно с XIII в. эта лексема начинает специализироваться на обозначении таких ключевых для религиозно-церковной сферы понятий, как *порочный*, *греховный*, *нечестивый*⁵. В этой ситуации можно говорить о том, что неспецифическое отрицательно-оценочное значение, характерное для рассматриваемой лексемы на более ранних этапах развития, постепенно уступало место религиозно маркированному негативному значению.

Среди факторов, повлиявших на преобразование семантической структуры прилагательного *wicked*, следует особо отметить его регулярное использование в одном синтагматическом ряду с прилагательными типа *synnful* (греховный, совр. англ. *sinful*), *unrihtwis* (неправедный, совр. англ. *unrighteous*), *viciouse* (порочный, совр. англ. *vicious*), *depraven* (*извращенный*, порочный, совр. англ. *depraved*), *blasfemous* (кощунственный, нечестивый, совр. англ. *blasphemous*) и т. п.:

So graunte I wel for soþe þat vicious folk ben wicked (Boethius. De consolatione philosophiæ. СМЕ).

Vmwhile, sais þat we er wicked & synful: for to ger vs falle in to dispaire (Rolle R. Companion to the English prose works of Richard Rolle: a selection. СМЕ).

Реализуемые в подобных контекстах значения прилагательного *wicked* с течением времени

переходили в разряд общеязыковых, системных. Это объясняется характерным для средневековой эпохи постоянным использованием религиозных тем и мотивов в самых различных сферах коммуникации, что в свою очередь неизбежно вело к переносу в эти сферы первоначально специфических для религиозного дискурса языковых средств выражения ключевых для него понятий.

Анализируемые текстовые фрагменты наглядно подтверждают, что взаимодействие лексической семантики и дискурса имеет двустороннюю направленность. Дискурсивные синонимические ряды, уточнявшие диффузную семантику ядерных лексем, способствовали тем самым развитию концептуальных доминант религиозного дискурса, в чем находит отражение тесная связь между историческим изменением лексико-семантической системы языка и эволюцией концептосферы в рамках того или иного культурного пространства.

Показательным в этом отношении является процесс функционально-семантического развития древнеанглийского прилагательного *gōd* (варианты *gōde*, *goude*, совр. англ. *good*), которое на ранних этапах своей истории было общеоценочным и обозначало широкий круг понятий: *подходящий, годный, умелый, уважаемый, почтенный* и т. п. В древних эпических произведениях данная лексема использовалась, например, для передачи целого комплекса положительных оценок, которые получали герои и их поступки. Причем речь могла идти как о личных качествах, так и о социальном положении: *щедрость, храбрость, смелость, благородное происхождение*. В этом проявляется характерная для древних народов нерасчлененность сфер оценок: эмоциональных, эстетических, интеллектуальных или физических.

Что касается христианского дискурса, то в нем, как известно, сфера морально-этических оценок выделена очень четко и доминирует над всеми остальными. Представление о том, что нравственно, а что безнравственно, всегда выражается со всей ясностью и определенностью. В религиозно-церковной литературе того времени прилагательное *gōd* переосмыслилось и приобрело выраженную морально-этическую оценочность, которая в средневековый период была неотделима от религиозной. На первый план в смысловой структуре рассматриваемой лексемы выдвигались такие компоненты, как *добрый, благой, праведный, добродетельный* и т. п. Среди факторов, способствовавших данному процессу, стоит особо выделить те контексты, в которых лексема *gōd* реализовывала свои синонимические связи посредством прилагательных типа *rihtwis* (праведный, совр. англ. *righteous*), *kind* (добрый, благой), *gracious* (милостивый, благой), (*treowe* (истинный, верный Богу, совр. англ. *true*), *chaste* (целомудренный, совр. англ. *chaste*), *virtuous* (добродетельный), *pious* (благочестивый, набожный),

benevolent (благой, благостный), *godly* (благочестивый, набожный, религиозный):

Noe, þat *gracius* and *gōd*, liued fourti yere after þe flod (Cursor Mundi. *CME*).

Be this *gode*, *trewe* man Abram, ich vndurstonde at tis time vr blessid Lord Crist (Legat H. Sermon on the Passion of the Lord. *CME*).

Аналогичным в целом образом происходило развитие древневерхненемецкого прилагательного *gōt* и древнеисландского прилагательного *góðr*; родственных древнеанглийскому *gōd*⁶. Причем помимо генетического фактора важную роль, как представляется, играла общность контекстов употребления данных лексем, а также единство культурно-речевого пространства, в котором они функционировали.

Примечательно, что во многом сходные результаты были получены на материале других групп языков. Так, например, Л. П. Дронова в работе «Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект» отмечает, что появление в новом в то время христианском контексте у общеоценочного прилагательного *добрый* функции положительной этической оценки сопровождалось формированием у него новых синонимических отношений: *преподобный, истинный, верный, чистый, праведный, безгрешный, непорочный*⁷.

В других сферах коммуникации (историческая литература, художественная литература, документы и т. д.) у прилагательного *добрый* актуализировались иные разновидности семантики общей оценки и происходила синонимизация с другим рядом слов: *изрядный, бесподобный, отличный*, которые в церковнославянском языке выражали бы скорее отрицательную оценку⁸.

Вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что дискурсивно обусловленные синонимические ряды способны не только пояснять, уточнять значение входящих в них лексем, но и существенно модифицировать это значение, приспособив его к специфическим для того или иного типа дискурса целям и условиям коммуникации. Регулярно используемые в одном синтагматическом ряду лексические единицы в силу семантического «заражения» неизбежно приобретают общие семантические признаки, не свойственные им в языке в целом, одновременно у лексем ослабляются внутрисистемные связи и отношения. С течением времени результаты подобных модификаций могут закрепляться в узусе, что во многом определяется социально-культурной значимостью той дискурсивной области, в рамках которой происходят преобразования смысловой структуры лексических единиц.

Из этого, в свою очередь, следует, что синонимический контекст относится к числу важнейших механизмов взаимодействия общественно значимого дискурса и лексической семантики. Есть также основания полагать, что такого рода взаимодействие является особенно интенсивным

в случае лексем высокого уровня абстракции, которые обозначают сущности, сконструированные нашим сознанием, и поэтому ориентированы в первую очередь не на объективный мир, а на познающего субъекта. Лексические единицы данного типа в ходе эволюции в наибольшей степени испытывают влияние со стороны факторов коммуникативно-дискурсивного характера. Что касается имен другой референции, то здесь необходимо специальное исследование значительного объема конкретного языкового материала.

Вместе с тем уже на нынешнем этапе вполне очевидно, что предложенный дискурсно ориентированный подход дает возможность изучать собственно лингвистические механизмы изменения семантики лексических единиц в неразрывной связи с глубинными причинами этих изменений, которые лежат преимущественно во внеязыковой действительности, в постоянно меняющихся потребностях социума и в развитии человеческого мышления.

Примечания

- ¹ Материалом исследования и источниками цитирования являются следующие электронные корпуса текстов : Corpus del Español. [CdE]. URL: <http://www.corpusdelespanol.org/> ; Corpus of Middle English Prose

and Verse. [CME]. URL: <http://www.umich.edu/c/me/> ; FrantextMoyen Français. [FMF]. URL: <http://www.atilf.fr/>

- ² См.: *Изметинская Н.* Отражение отвлеченных латинских имен в древнеанглийских текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. С. 14.
- ³ См.: *Колокольникова М.* Особенности развития лексемы *envy* в английском религиозном дискурсе XIII–XV вв. // *Германская филология* : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2009. Вып. 4. С. 75–80.
- ⁴ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М. : Прогресс ; Прогресс-Академия, 1992. С. 308.
- ⁵ См.: *Колокольникова М.* Влияние религиозного дискурса на семантическое развитие лексики с отрицательно оценочным значением // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* 2008. № 26. Филология. Искусствоведение. Вып. 25. С. 70–74.
- ⁶ См.: *Логутенкова Т.* Историко-типологическое исследование германских литературных языков донационального периода (на материале древнеанглийского, древневерхненемецкого и древнеисландского языков). Тверь : Изд-во ТГУ, 1993. С. 68–69.
- ⁷ См.: *Дронова Л.* Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка : этнологический аспект. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 36.
- ⁸ См.: *Фелькина О.* Развитие семантики славянских прилагательных общей оценки в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1990. С. 10.

УДК 821.111(73).09-31+929 Эми Тан

КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ СИМВОЛА КУЛЬТУРЫ (на материале романа Эми Тан «Клуб радости и удачи»)

П. С. Артемьева

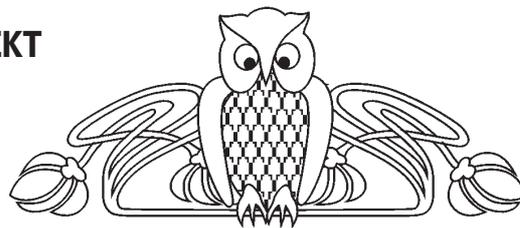
Саратовский государственный университет
E-mail: polina-artem@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с коммуникативно-дискурсивным варьированием символа культуры в тексте художественного произведения. Материалом исследования служит роман «Клуб радости и удачи» («The Joy Luck Club») современной американской писательницы китайского происхождения Эми Тан.
Ключевые слова: символ культуры, образ, художественный дискурс, поликультурный текст.

**Communicative and Discursive Aspect of the Study
of the Symbol of Culture (based on the novel «The Joy Luck
Club» by Amy Tan)**

P. S. Artemieva

The article discusses the issues related to the problems of communicative-discursive variation of symbols of culture in the fictional text. The material of the research is the novel «The Joy Luck Club» by the modern American writer of the Chinese origin Amy Tan.
Key words: cultural symbol, image, fictional discourse, multicultural text.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения дискурсивно-коммуникативных особенностей символа культуры, и в первую очередь специфики его использования в тексте художественного произведения. Символ есть способ, посредством которого мы можем наиболее адекватно «перевести» на понятный нам язык сообщения других культур, потому что в символе отражаются «образы бессознательных содержаний», значительную часть которых составляют архетипы, понимаемые как генетически фиксированные древние образы и социо-культурные идеи¹. Всякий символ хранит в себе информацию о представлениях и понятиях, присущих какой-либо культуре. Подобного рода информация фиксируется в словарях символов, но в тексте конкретного произведения содержание символа может варьировать². Следовательно, символ – явление многоплановое, с одной стороны, он отсылает к широкому контексту определённой культуры, а с другой – приспособляется в рамках того или иного произведения к выполнению новых для него функций.